

Е.Н. БЕКАСОВА

(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)

АНАЛОГИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности процессов аналогии в детской речи, являющихся результатом воздействия речи взрослых, и определяются основные закономерности формирования неузуальных форм и инноваций.

Ключевые слова: речевая деятельность, диалог, детская речь, процессы аналогии.

Детская речь как особый этап онтогенетического развития речи во многом зависит от речи взрослых. Однако уже А.А. Потебня исключал из детской речи образования типа «*вава* и *цаца*, которые входят в состав наших словарей и суть не более как результаты старания взрослых применить к детскому выговору и пониманию» [Потебня 1958: 22]. Утверждение А.А. Потебни о возможности через детскую речь «практически воротиться к первым ступеням развития мысли» [там же] уточняется И.А. Бодуэном де Куртенэ, который считает, что «аналогические заключения в этом направлении должны делаться с большой осторожностью», и указывает на главную причину – «ребёнок находит вокруг себя людей говорящих и готовый язык» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 64].

Особенно значимо «давление» речи взрослых в ответных репликах ребёнка, отталкивающегося от готового структурного образца и выстраивающего на его основе собственные единицы. В этих случаях чаще всего наблюдаются процессы аналогического выравнивания в глаголе, которые, как правило, происходят не под влиянием парадигмы личных форм, что характерно для диалектов и просторечия, а в результате воздействия глагольных форм, наиболее распространённых в речи взрослых, например:

- Надо *бежать*. – Уже *бежу*;
- Мы *дадим* тебе завтра. – Правда, *дадишь*?
- Детей *оставляют* в садике. – А меня не *оставлют*.

- Будем *лепить*? – Я уже *лепяю*.
- Я *спущусь* по лестнице, а ты за мной. – А я уже *спущаюсь*.
- Я *сплю*. – Да, все люди *сплят*, и дяди, и тётки, и лялечки, одни волки не *сплят*.
- *Побежала* в дом – Уже *бежу, бежу...*
- Надо *писать* ручкой. – Ручка, *писай!*
- Надо *писать*. – А я здесь *писаю*.
- Не надо *волноваться*. – А я не *волноваюсь*.
- Тётя *поёт*. – Всё, *попоила*.
- Скажи, чтобы не *орали*. – Не *орайте*, пожалуйста.
- *Можешь* подойти? – *Можу*.
- *Ложись!* – Я без родителей не *ляжу*.

Глагол в репликах взрослых формирует «ответную» неузualmente форму, провоцируя или наличие чередования (*бежу*), или его отсутствие (*писаю*), что определяется, как правило, расхождением форм в диалоге, которые занимают разные позиции в глагольной парадигме и соответственно представляют разные модели и звенья морфонологической альтернации. Обращает внимание образование презенса от основы инфинитива с окончанием -у типа «Будешь *рисовать*? – Я *рисоваю*»; «Не надо *плакать*. – А я не *плакаю*».

При этом подобная форма для ребёнка более приемлема, чем «правильный» презенс, но без альтернации, о чём свидетельствует реальная рефлексия при отборе возможных форм:

- Не *насись* в телевизоре! – А я и не *насюсь*, не *насаюсь*.
- Не надо *бежать!* – Я *беду ...бежу... бежаю* быстро.

Во многом такой диалог, особенно его императивный уклон в общении с детьми, обуславливает целый ряд детских инноваций. Частотные императивные структуры определяют наличие форм с полным совпадением основы и соответственно утратой обязательного по литературной норме чередования согласных в формах 1 лица настоящего (простого будущего) времени, например:

- Не *сиди!* – Я не *сидю*.
- *Следи* за движением! – Я *следю*.
- Не *скользи!* – А я и не *скользюсь!*
- *Возвратись* на место! – Я *возвратюсь* на место.
- *Почисти* зубы! – Я *почистю* и ляжу.

Однако возможно и своеобразное «отталкивание» от формы императива с отвердением согласной в личной форме, то есть с реализацией чередования [д'–д], ср.:

– *Дуди* в дудочку! – *Подуду*, ду-ду.

– Не *ходи* туда! – А я не *ходу*.

– *Посиди* здесь. – Я *посиду*.

Синтагматическая обусловленность «ответных» форм подтверждается специфическими структурами с сохранением корневого морфа, без ожидаемых в соответствии с нормативными вариантами чередованиями, например:

– Не *жги* свет! – Да, свет надо прекращать *жгать*.

– *Нажми* на кнопку. – А как *жмать*? Я уже *нажмала*.

– Не *мни*! – Я совсем *сомняла*.

– *Догоняй*! – Я тебя *догонила*.

Совпадение глагольных основ предоставляет возможность образования других, не столь распространённых в детской речи ответных глагольных форм типа инфинитива и императива:

– Не *горюй*! – Не буду *горють*!

– Пожалуйста, *помолчи*! – Да, уж сиди и *помалчивай*!

Такое специфическое представление глагольных форм, прежде всего в их морфонологическом оформлении, отличном от литературной нормы, не может служить свидетельством онтологии языка, так как полностью зависит от распространённых форм речи взрослых, которые своеобразно преломляются в детской речи в результате действия аналогического выравнивания [Бекасова 1991; 1999]. Показательны в этом плане формальные переносы возможной морфонологически дефектной модели на другие глаголы, например:

– *Положи* на место! – А я *клажу* на место.

– *Работай*! – Не работай, а *спай*!

– Ты трубку *брал*? – Нет, телефон *звонял*, *звонял*, а потом перестал *звонять*.

– Ты *встала*? – Нет, я *ходила* и потом *поедала* (поехала)

– Ты *нашла* уже? – Нет, я же *хажла* уже.

Как показывают примеры, аналогическому выравниванию как ответной реакции в детской речи подвергаются в основном глагольные формы, различающиеся разными звеньями морфонологических альтернатив и принадлежностью к парадигмам

разных классов, которые в диалоге оказываются в непосредственной близости. Большинство из этих альтернатив, как установил ещё И.А. Бодуэн де Куртенэ, «либо действуют в наблюдаемом, исследуемом состоянии языка», либо являются палеофонетическими, но в любом случае «все альтернативы либо существуют в силу повторения и подражания, а следовательно также путём передачи из поколения в поколение, либо они возникают у индивида независимо от этого фактора» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 280–281]. Вследствие этого все указанные И.А. Бодуэном де Куртенэ механизмы альтернатив достаточно чётко представлены в детской речи.

С другой стороны, аналогические реакции срабатывают и в приобретении существительными неузуальных окончаний, например:

– Будем угощать *конфетами*... – И *чаями* и *кофеями*...

– Сними *штаны*... – А ты сними *рукавы*, а то они толстые...

Достаточно широко аналогическому выравниванию в речи детей 2–4 лет подвергаются парадигмы склонения различного типа местоимений, ср.: – На *какую?* – На *тую, эту, нашу*... *Какие?* – *Наши, эти* ...

Такое усвоение «по традиции передающихся особенностей, унаследованных или приобретённых от предшествующих и современных поколений» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 143], распространяется не только на морфонологические и грамматические процессы. Достаточно чётко аналогические процессы проявляются в устойчивых сочетаниях, которые позволяют по определенной модели, или антонимическому отталкиванию от неё, выстраивать соответствующие конструкции, например:

– Какие красивые розы, даже *глаз не оторвёшь*... – И *глаз не оторвёшь*, и *нос не оторвёшь*, и *уши*...

(Подслушивает чужой разговор) – *Стиснула зубы* и пошла. – А я *растиснула зубы* и пошла...

(Подслушивает чужой разговор) – У меня *руки опускаются*... – А у меня *руки поднимаются*...

– *Не поваляешь – не поешь!* – Да, *не поваляешь – не оденешь!*
Не разольёшь – не попьёшь! *Не разбросаеть – не соберёшь.* *Не соберёшь – не разбросаеть.*

Аналогия может захватывать и лексические особенности, формируя детские инновации по соответствующим моделям речи взрослых, например:

– Тебе *кипяточку*? – Это тебе *кипяточку*, а мне *горяточку*.

– Надо мне к *зубному*... – А Мишке надо к *губному*, у него губа болит...

– Кот *таскает* бумажки. – Да, таскает, *таскливый* кот.

Используя готовый структурный образец «взрослой речи», ребёнок закрывает «лакунарность» (Т.А. Гридина) или «дырчатость» (И.Г. Милославский) языка. При этом своеобразное детское «несогласие» становится появлением ряда «коррелятивных по способу образования антонимических номинаций» по принципу «Это не X, а Y» [Гридина 2000: 186, 191], например:

– Садись *посередине*. – Нет, я сяду *попередине*.

– Какая ты *медлительная*! – Нет, я буду *быстрительная*.

– Это *посадочная* полоса. – Нет, это *разгоночная* полоса.

Позиция ребёнка в этом случае может быть выражена не только отрицательным характером конструкции – «нет», но и скрытым несогласием:

– Пойдём в «*Чистый* дом»? – Да, в *чистый* *грязный* дом.

Несмотря на то, что в этих случаях языковая рефлексия является следствием аналогических процессов, маленький ребёнок готов отстаивать своё видение языка всеми ему доступными лингвистическими способами:

– Это сахарница, а это солонка. – Неправильно, это не солонка, а *сольница*, как *сахарница*. Там белое лежит, порошок, сладкий и горький. Они лежат в коробочках для соли и сахара. Потому что *сольница* и *сахарница*. Нельзя же говорить *сахаронка*. И *сольница* неправильно (3,2 л.).

Судя по исследованиям Т.А. Гридиной, данные инновации следует отнести к детским универсалиям, когда «соединение неких знаний о предметах постигаемой действительности и типовых номинаций для них даёт возможность ребёнку тиражировать модель (применительно к собственным ситуативным потребностям) – *кофейница*, *варенница*, *лимонница*, *кальмарница* [Гридина 2012: 11]. В нашем случае девочка, сближая предметы, доказывает необходимость использования единой, причём продуктивной модели.

Таким образом, в этих случаях мы имеем дело не с типичным для ребёнка созданием своего собственного детского языка и «обособленностью» детской речи от взрослых» [Гридина 2000: 188], а сознательной установкой на «правильность» своих языковых притязаний и характерным для человека стремлением поправить и исправить чужую речь, с чем ребёнок сталкивается постоянно. Ребёнок играет «взрослую», очень приятную для него роль, становясь законодателем в области языка. Отсюда назидательные рассуждения типа:

– Молнии, значит, бывают *грозеточные* и *громычные*. *Громычные*, как *уличные*.

Грозеточные молнии вылетают из *розеток*. А *громычные* живут на улице (3,5 л.).

– Машину надо помыть. Поедем на *помойку*. – На *мойку*. – Нет, на *помойку*, её же надо *по-мыть*. Это *помойка*. – Нет, *помойка* там, где мы мусор выбрасываем. А машину надо мыть на *мойке*. – (Задумывается) Нет, то другая *помойка*, а это *помойка*, где *помоют* машину. Её же *по-моют*, понимаешь? (3,7 л.).

Таким образом, определённый дискурсивный контекст, связанный с импульсом речи взрослых и ответной реакции ребёнка, не только показывает зависимость детских новаций, но и их формирование под влиянием структурного образца на разных уровнях языковой системы. При этом давление со стороны «взрослой» нормативности обуславливает своеобразный аналогический языковой «продукт», который может оцениваться ребёнком как правильный и отстаиваться сообразно его рефлексивной деятельности, выстраиваемой в том числе и по законам взрослой языковой назидательности.

ЛИТЕРАТУРА

Бекасова Е.Н. «Стихия возникающего слова» // Проблемы лингвистического образования школьников: материалы V зон. конф. «Филологический класс»: Наука – ВУЗ – школа». Екатеринбург, 1999. С. 218–223.

Бекасова Е.Н. О процессах аналогического выравнивания в детской речи // Твори для дітей і про дітей у вітчизняній і зарубіжній літературі // 1 частина: Тезі і матеріали доповідей

міжвузівської науково-методичної конференції 11–15 травня 1991 року. – Одеса, 1991. С. 84–85.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М., 1963. С. 47–77.

Гридина Т.А. Словообразовательные инновации детской речи как проявление языковой игры // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000. С. 184–196.

Гридина Т.А. Языковая реальность как факт детского сознания // Уральский филологический вестник. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»). – Вып. 3(21). – Екатеринбург, 2012. С. 6–12.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958.

©Бекасова Е.Н., 2013